

Мария Фалалеева

Ингредиент

Мария Фалалеева

Ингредиент

«Издательские решения»

Фалалеева М.

Ингредиент / М. Фалалеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851174-5

Эта добрая и забавная история рассказывает о жителях маленького городка, где ворчливый дядюшка Хёрби держит удивительный ресторанчик. Кто-то считает его колдуном, кто-то — фокусником. Столик надо заказывать аж за месяц — так много желающих поужинать в ресторане «У дядюшки Хёрби». Так какие же ингредиенты сделали этот ресторанчик таким популярным? Устройтесь с кружкой ароматного чая в любимом кресле и погрузитесь в этот вкусный мир, чтобы узнать ответ.

ISBN 978-5-44-851174-5

© Фалалеева М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ингредиент

Мария Фалалеева

© Мария Фалалеева, 2017

ISBN 978-5-4485-1174-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Глава 1

– Знаешь ли ты, как приготовить настоящий луковый суп?

– Да, конечно, я...

– Молчи! Мнение профанов, переступающих порог кухни великого Хёрби, меня совершенно не интересует. Жалкие супчики, которые вызывают притворные восхищенные вздохи твоей семейки, достойны разве что ночного горшка, поставленного на стол вместо супницы. И ты собрался рассказать мне, как готовить? Да кем ты себя возомнил?

Последний вопрос прокатился по кухне довольным рыком утихающей грозы, наевшейся страхом попрятавшихся по домам жителей.

– Я... Я, вообще-то пришёл по объявлению, – умудрился я вставить целую фразу, – что Вам нужен помощник на кухне.

Грузный, седовласый мужчина в высоком колпаке и белоснежном кителе, который придавал ему вид бравого генерала, оторвался от созерцания лука, томящегося в сотейнике, и обошел меня кругом. Он пристально рассмотрел детали моего пиджака, выдавшего лучшие времена, и задержался взглядом на порванных на коленях джинсах.

– Ещё один хилый маменькин сынок! Ложечку каши, цыпленочек мой? – ехидно протянул он.

Я покраснел. Он точно воспроизвел интонации моей матери, которая, несмотря на мои двадцать с хвостом лет, до сих пор говорила со мной умильным голоском. Чтобы отвлечься и согнать краску с лица, я стал рассматривать кухню. Огромная столешница из шлифованного гранита, сияющая сталь современной плиты с жарочным шкафом, стены, облицованные натуральным камнем, а на фоне этого исполинский дубовый буфет, которому на вид исполнилось лет пятьсот. С потолка на огромном крюке свисала люстра, начищенная цепь тянулась чуть ли не до самого стола. Он что, использует свечи для освещения?

– Переоденься, юноша. И приступай к работе. Там в раковине пара тарелок, не успел помыть после вчерашнего ужина. – будничным голосом произнес повар. – Обращайся ко мне дядюшка Хёрби. А лучше не обращайся, а просто делай что говорят.

– Меня зовут...

– Мне нет никакого дела, как тебя зовут, – отрезал Хёрби. – Я спрошу твоё имя, если ты этого заслужишь. Хёрби величавым жестом – так король одаряет подданного высшей милостью, протянул мне пакет, в нём я обнаружил куртку, которая пришлась мне как раз впору и небольшую шапочку.

В раковине лежала всего одна тарелка. На тарелке распласталось бесформенной тушкой глянцево-чёрное существо и настороженно сверкало на меня бельмами глаз. Я в испуге отскочил. Хёрби заглянул в раковину и расвирепел.

– Я говорю каждому персонально, приходящему в мой ресторан, – каждому! – чтобы на тарелке не оставалось ни единого кусочка. Это неуважение!

Он яростно принялся трясти тарелкой над мусорным ведром. Но существо мгновенно выпустило щупальца и уцепилось за края. Хёрби произнёс пару ругательств и вышвырнул тарелку целиком. Существо завозило в мусоре, уютно устраиваясь в луковой шелухе. Хёрби с презрением посмотрел на мою испуганную физиономию.

– Я уже выгнал с дюжину так называемых помощников. Если ты ни на что не способен, сразу убирайся к чёрту! – прорычал Хёрби. – В этом скопище идиотов найти хоть одного, который чуть меньший идиот чем все остальные – вот непосильная задача даже для моего блестящего ума!

Закончив эту тираду, он вручил мне деревянную лопатку и велел помешивать лук.

– Итак, каждый вечер у нас обедают ровно десять гостей. Это число не меняется никогда. Они заказывают места уже за месяц, чтобы отведать кухню самого господина Хёрби!

Я стоял у плиты, и ровно каждые десять минут, по часам, перемешивал лук под пристальным наблюдением и под непрерывный поток наставлений.

– Лук должен томиться пять часов, иначе это будет не настоящий луковый суп, а бурда, которую спокойно можно сварить дома и не занимать место в моём ресторане!

– Сколько блюд будет в меню? – осмелился спросить я, не видя никаких других ингредиентов, кроме как для лукового супа.

– В моём ресторане на ужин подаётся только одно блюдо. – загремел Хёрби. – Но основательная порция моего шедевра затмит изыски, разложенные по тарелочкам, которые можно рассмотреть только под микроскопом!

Хёрби с силой грохнул на плиту толстостенную кастрюлю, переложил туда лук и долил вина.

– Следи, чтобы вино уварилось ровно вдвое!

Он подошёл к буфету, вынул из кармана огромный ключ, и открыл дверцу. Дверца скрипнула и кухня заполнилась странными звуками: клёкотом, стрекотанием, скрежетом когтей по стеклу, шепотками... Я в ужасе уставился в буфет, но ничего не увидел, кроме огромного количества керамических бутылочек, старинных сосудов из толстого стекла и плетёной корзинки.

– Если он разбирается в таком количестве специй! – восхищённо думал я, забыв про источник странных звуков. Хёрби тем временем вытащил стеклянную банку, открыл зажим и достал нечто напоминающее засохший корень.

– Этот корешок карликового дерева Лемонтрис подарил мне один добрый знакомец, проживающий на Средиземноморском побережье. Настоятельно рекомендовал добавлять его в блюда меланхоликам, когда у них наступает период осенней хандры.

Он влил в кастрюлю подогретый бульон, придирчиво осмотрел корень со всех сторон, ловко связал его в пучок со свежими травами и опустил в суп. По кухне прошла волна пряного аромата. Кухня качнулась перед моими глазами, раздался хлопок, как будто открылась бутылка шампанского, откуда хлынуло не вино, а яркие лимонные и оранжевые краски, шум весёлой гуляющей толпы, свежий запах моря и терпкий цитрусовый, мимо проплыла огромная улитка, искусно сложенная из лимонов и апельсинов и тут же качнулась надо мной разинутая пасть оранжевого динозавра, послышался детский смех...

Из забытья меня вынул грозный вопль. Как выяснилось, пока я грезил наяву, суп уже был разлит по горшочкам, и Хёрби поджаривал гренки.

– Говорю третий раз! Он же последний! Натри сыр и марш в зал. Нужно написать на доске в зале название супа!

– А что писать?

– Хм. Я разве не сказал? Я называю этот суп «Слезы тётушки Марты». Моя тётушка всегда утверждала, что ничто в жизни не способно заставить её лить слёзы, кроме чистки лука для этого супа.

Я вышел в зал, где на стене висела черная доска, и рядом на шнурке был привязан большой кусок мела. Я написал название супа и осмотрелся.

Огромный грубо сколоченный стол посередине зала, старинные подсвечники, грубая тяжёлая глиняная посуда – для полноты ощущений не хватало только горящих факелов и парочки рыцарей в тяжёлых латах, восседающих за столом перед полным блюдом жареной дичи.

Глава 2

Поздним вечером я и моя подруга Анита сидели в кафе напротив ресторана, которое Хёрби, узнав, куда я собираюсь, назвал забегаловкой для простолюдинов. Но кафе было вполне приличным: лампы с цветными абажурами на каждом столике, скатерти в крупную красную и белую клетку, пар над горячей кружкой крепкого чая и аромат бергамота – всё это вместе создавало тёплую атмосферу. Хотелось сидеть в полудрёме, потягивать чаёк и наблюдать за немногочисленными прохожими за окном. Но Анита была настроена весьма решительно. Она очень беспокоилась о моей карьере и за два года нашего общения её энтузиазм еще не иссяк. Сегодня я позвонил ей и хвастливо выпалил новость, что работаю теперь помощником самого знаменитого шефа в городе, за что и удостоился свидания.

– Ну наконец-то! Какой шанс! Раз в жизни! – все эти фразы я теперь слышал по второму кругу. Мою историю с существом на тарелке, влачившим свое дальнейшее существование где-то в мусорном раю, Анита восприняла лишь как доказательство моей некомпетентности.

– Увидел обыкновенного осьминога!

– Но это был не осьминог!

– Ну каракатицу какую-нибудь...

– А странные звуки из буфета?

– Старый дом, обычное дело.

– Хёрби даже не захотел узнать моё имя.

– Посмотри на себя! Ты что, что-то сможешь украсть? Покажешь себя с лучшей стороны, он напишет тебе рекомендацию, заодно и имя спросит. Она посмотрела в окно, за которым светлым пятном в сумерках мерцала вывеска «У Дядюшки Хёрби». А знаешь, когда я была маленькая, я думала, что в этом доме живёт злой колдун. Такой мрачный дом, как будто вытасценный из средневековья. Мы с подружками поджидали, когда Хёрби выйдет на свою ежевечернюю прогулку – такой огромный, в чёрном цилиндре, с тростью, которой он сердито стучал по тротуару – и с визгом разбежались. Мне бабушка рассказывала, что его родители умерли рано, и его взяла на воспитание тётка. Она живёт на окраине города, и считается ведьмой – среди женской части населения, конечно.

– Почему «конечно»? – поинтересовался я.

– Она была замужем трижды. Хоть и страшна как смертный грех, и очень несдержанна на язык. Но уж если угостит того, кто ей приглянулся, хоть куском пирога, тот как привязанный за ней ходит. Говорят, ей уже под сто лет.

Анита помолчала, водя пальцем по краю пустой чашки.

– А знаешь, Хёрби совсем не изменился. Я ведь его уже двадцать лет знаю.

– Я устроился туда, чтобы выкрасть рецепт эликсира бессмертия. Но ты догадалась. Поэтому, сама понимаешь, лишний свидетель мне ни к чему. – шёпотом сказал я, наклонившись к Аните через стол.

– Если некоторые считают газировку с чипсами самой здоровой пищей, то через пару десятков лет никакой эликсир... – начала Анита.

– Все, все, все! Ресторан великолепен, мне невероятно повезло, я – дурак, не понимающий своего счастья, и т.д. и т.п. Плачу за чай.

– Чи-чи! Я после работы побежала в банк, потом в магазин, потом сюда, а мой пёсик сходит с ума – один, в пустой квартире!

Чи-чи – толстый, белый чихуахуа с хитрой мордой – занимал в сердце Аниты пространство значительно обширнее того, в которое была втиснута моя скромная персона. Я вздохнул и позвал официанта, чтобы попросить счёт.

Глава 3

Тучи висели над городом, как тяжёлые серые губки, которые кто-то огромный выжимал на зазевавшихся прохожих и хохотал потом над ними раскатистым смехом. Торопясь в ресторан, я разбивал тугие дождевые струи пестрыми краями зонта. Резкий ветер, используя эффект неожиданности, подло вырывал зонт у меня из рук. Я успевал удержать зонт в последний момент, но ледяные струи проливались мне за шиворот, я окончательно продрог и был рад оказаться в тёплой кухне, где на плите уже всюду пузырилось какое-то варево. Пахло свежим и пряным. Было влажно и душно, как в непроходимых зарослях Амазонских джунглей. Впрочем, я там никогда не был, поэтому фантазии свои объяснил запахом приправы, которую Хёрби сосредоточенно добавлял из корзинки в кастрюлю. Внутри этой плетеной корзинки на ворохе свежих листьев, лежало нечто, похожее на морского ежа. Хёрби осторожно постукивал по корзинке, ёж ворочался и из него сыпались пурпурные иглы, которые Хёрби ловко извлекал и приправлял ими свой очередной шедевр.

– Что это? – осмелился я подать голос, засовывая в угол мокрый зонт.

Хёрби величественно глянул на меня, но не удостоил ответом.

– Окей, я займусь чисткой камина в главном зале, – бодро продолжил я разговор с самим собой.

– Это существо называется мирайба. – вдруг произнёс Хёрби. – Его родина – густые леса Амазонии. И люди пока не успели вырубить все места его обитания. Для роста мирайб необходим солнечный свет, поэтому они гнездятся на деревьях, высоко от земли. Их мягкие иглы, которые они сбрасывают, стремясь отвлечь врагов, и увести их от следа, обладают весьма интересным ароматом, который, впрочем, нос такого болвана как ты, едва ли способен уловить. Но это не всё. Амазонское племя Нгунга кормит этими травяными иглами своих охотников, и они начинают различать запахи на расстоянии половины дня пути.

– Бедный мирайба, – посочувствовал я, – сидит в буфете без солнца...

– С сегодняшнего дня ты ежедневно будешь выносить мирайбу на солнечный свет. Минут на пять, не больше. Но не вздумай трепать языком с соседями! – загремел Хёрби.

– Ок, шеф!

Совсем чокнутый, подумал я. И задал вертевшийся у меня на языке вопрос:

– А что, наши сегодняшние гости собираются поохотиться?

– Да. – буркнул Хёрби. – Фотографы дикой природы. Теперь на одного зверя приходится пара десятков фотографов. Сам понимаешь, ставки высоки, и без чудодейственного Ингредиента великого Хёрби обойти конкурентов не удастся!

В дверь кухни постучали. Не дожидаясь ответа, в дверь протиснулся маленький круглый человечек, подслеповато помаргивая на люстру через запотевшие стёкла очков.

Он достал из кармана пальто красную книжицу и помахал ей перед моим носом.

– Главный санитарный инспектор Управления по антисанитарным условиям и защите горожан от некачественного питания. – выпалил он скороговоркой.

– О, господин санитарный инспектор! – проворковал Хёрби елейным голоском.

– Имею предписание, господин Хёрби, уведомить Вас, что завтра мы закрываем Ваш ресторан для всесторонней тщательной экспертизы.

– Какого чёрта вы там жметесь, инспектор? Проходите ближе и объясните толком!

Хёрби сунул мирайбу в буфет и достал стеклянную банку с жидкостью янтарного цвета. Плеснув в бокал вина из большой плетеной бутылки, он добавил несколько капель янтарной жидкости.

– Отведайте, инспектор, вам понравится!

– Благодарю!

Судя по тому, как заблестели глаза инспектора, отговорки «я на службе» не должно было последовать. Я не ошибся. Инспектор взял бокал и выпил вино в два глотка.

– Так в чём дело, старина? – проворковал Хёрби.

– Хозяин кафе – того, что напротив, – жалуется, что от вас бегут крысы.

– Всё правильно! Куда же им деваться, как не в эту лавочку?

– Но господин Хёрби, мы должны должным образом отреагировать...

Тут инспектор вдруг выронил свой бокал и попятился задом к двери, переводя глаза с банки с янтарной жидкостью на Хёрби. Он издал невнятное мычание, нащупал ручку двери, и выскочил из кухни.

– Что это с ним? – спросил я.

– Он просто увидел настоящего Хёрби. Редко кто способен это выдержать и сохранить ясность мысли! – довольно пророкотал Хёрби. – Впрочем, тебе давно пора чистить камин.

– А настоящий Хёрби – это кто?

– Я – это я! – Хёрби вошел в своё привычное раздражённое состояние, – Если какой-то бумагомаарака считает себя достойным проверять самого Хёрби!

Я взял ведро, тряпку и совок и вышел в зал под многоречивое описание Хёрби своих достоинств.

Один из гостей пришёл слишком рано, и стоя спиной ко мне, глядел в окно, в которое дождь швырял пригоршнями мутную воду.

– Я Вам не помешаю? – вежливо спросил я.

– Ничуть. – нараспев произнёс гость и обернулся.

Я выронил ведро и попятился к двери кухни.

– А, Джонсон, дружище!

Дверь за мной распахнулась, больно ударив ручкой меня в спину, и выпустила объемную фигуру шефа.

– Прошу извинить моего излишне впечатлительного друга, он ещё, по молодости лет, не научился умирять своё воображение.

– Вполне понимаю, – усмехнулся гость, чьё лицо привело меня в такой ужас, – когда-то и мои фантазии занесли меня в такие высоты, откуда нельзя свалиться, не покалечившись.

Гость, он же Джонсон, задумался и умолк. Я украдкой рассматривал его. Вместо правого глаза была пустая глазница, ничем не прикрытая. Шрам, тянувшийся от уголка губ до самого уха, в полумраке создавал впечатление дьявольской усмешки. Теперь я видел перед собой просто человека, ставшего жертвой несчастного случая.

– Джонсон был укротителем львов, – сказал мне Хёрби. – Одним из тех безумцев, которые полагают, что могут бесконечно играть с судьбой, складывая голову в пасть льва на потеху публике.

– Это в прошлом. – промолвил гость, – теперь моя исключительная внешность успешно потешает публику вне цирка.

– Я не видел тебя пять лет! Только читал о твоём несчастье в газетах. Что привело тебя сейчас?

– Я ужинал у тебя, Хёрби, в тот вечер, ровно пять лет назад, как раз перед злополучным представлением. И не скрою, не раз задумывался, уж не твои ли колдовские охотничьи зелья заставили льва почувствовать угрозу?

Единственный глаз Джонсона вспыхнул злобой. Хёрби молча развернулся и ушел в кухню.

– Будешь ужинать – оставайся, – донеслось оттуда, – а нет – так иди своей дорогой. Не дело бродить по свету, злиться на весь мир да искать виноватых.

– Прощай, Хёрби! Всегда приятно повидаться со старым приятелем, не так ли? И Вы, молодой человек, простите, что оскорбил Ваше чувство прекрасного. – съязвил он и вышел в дождь, хлопнув дверью.

Когда я зашёл в кухню, Хёрби сидел за столом, уставившись тяжёлым взглядом в дверцы буфета. Он не обратил на меня никакого внимания. Я подошёл к плите и увидел, что овощи в супе начинают развариваться. Тогда я, на свой страх и риск, выключил плиту. Подошёл к буфету, взял корзинку с мирайбой и начал постукивать по ней.

– Э, нет! – сразу же очнулся Хёрби. – Поставь мирайбу на место! Никогда не тревожь его без дела!

Он подошёл к плите, увидел, что она выключена, и возопил. Я слушал неутраченные ворчания и всё же думал, что тот образ грубого толстокожего Хёрби, который у меня сложился, несколько примитивен, как и все ярлыки, которые мы ловко навешиваем на людей при первой встрече, так же легко, как шары на новогодние ели.

Близилась полночь, я отмывал последнюю кастрюлю, мечтая только о том, чтобы упасть на свой старенький диванчик и спать, спать бесконечно долго. Хёрби достал две увесистые глиняные кружки, насыпал в каждую из бумажного кулька по две ложки какой-то сушёной травы и залил кипятком. Затем он вынул из буфета злополучную банку с янтарной жидкостью.

– Будешь? – подмигнул он.

– Нет, спасибо. – устало пробормотал я.

– Это просто жидкий мёд, юноша! Ты что думал, я подсовываю тебе настойку из мухоморов? – рассердился Хёрби. – Лучшее средство от усталости – кружка ромашкового чая с мёдом.

– По-видимому, санинспектор с Вами бы не согласился, – заметил я.

Хёрби расхохотался и повернул банку этикеткой ко мне. Крупными корявыми буквами на этикетке было нацарапано: «Для анализов».

– Инспектор, думаю, оценил, – сквозь смех бормотал Хёрби.

– Странный юмор. – заметил я. – Бедный инспектор!

– Этот санинспектор существует только потому, что такие наивные дурачки, как ты, позволяют ему существовать. Он приезжает в город, машет в ресторане своей красной книжечкой, которую, кстати, не даёт рассмотреть поближе и преотличнейшим образом обедает – изысканные блюда, дорогое вино... А затем машет ручкой и исчезает навеки. Управление по антисанитарным условиям – потрясающе!

– Надо же! Я и не думал... – начал я.

– Вот ты и обозначил свою главную проблему! – ехидно отозвался Хёрби. Помолчав немного, он продолжил:

– Моя тётушка – мудрейшая женщина – никогда на меня не ругалась. Она забрала меня к себе после смерти родителей и воспитывала, как воспитала бы родного сына. Я, как и многие дети, поедал всё сладкое, до чего мог дотянуться. А у тётушки Марты были шоколадные драже для украшения пирожных – она стряпала под заказ. Так вот, банку с драже она поставила на видное место и написала этикетку: «Овечьи шарики», сказав мне, что это служит удобрением для домашних цветов. И уж поверь, мой юный друг, я и близко к этой банке не подходил. Теперь хитрость тёти Марты и лже-инспекторов будет держать на расстоянии.

Хёрби хлопнул меня по плечу и протянул кружку.

– Как тебя всё-таки зовут, мой таинственный юный друг?

– Меня зовут Йен, – ответил я, вытирая руки полотенцем и беря чай.

– За знакомство, Йен! И прости старика, если иногда бываю слишком суров. Но согласись, уж кто-кто, а ты этого заслуживаешь!

Глава 4

Солнце светило вовсю. Как будто ему выделили жёсткий лимит времени для осушения лужиц, оставленных вчерашним дождём. Я сидел на крылечке, выходящем в задний дворик ресторана. Рядом стояла открытая корзинка с мирайбой, который тихонько возился, распрямляя листья-иголки навстречу солнечным лучам. Передо мной расстилалось озерцо зелени. Хёрби сам выращивал травы и некоторые овощи для своей кухни.

– Как вы всё успеваете? – с изумлением воскликнул я, когда впервые увидел этот ухоженный огород.

– Успевают всюду тот, кто никуда не торопится! – буркнул Хёрби, заботливо поправляя лист салата, как порой девушка поправляет складку на любимом платье.

И вот я сидел, наслаждаясь тишиной и покоем, пока солнечный свет не загородило морщинистое лицо.

– А вы будете тот самый новый помощник? – проворковал старушечий голос. – То-то я смотрю, кто-то незнакомый шмыг-шмыг по огороду.

– Здравствуйте! – вежливо промолвил я.

– Ну здравствуй-здравствуй, – задумчиво протянула старуха, осматривая цепким взглядом бледно-голубых, словно выцветших, глазок, меня, огород и корзинку с мирайбой. Я поспешно задвинул корзинку за спину.

– Чего испугался? Что там у тебя? Тараканы сушёные?

– Гхм! – раздался сзади голос Хёрби. – Добрый день, госпожа Госсип! Прекрасный денёк, не так ли?

– О да, господин Хёрби, прекрасный! Точь-в-точь как тот, когда я дала вам рассаду во-о-он той великолепной брюссельской капусты. – скрюченный палец указал вглубь огорода. – Я всегда говорю господам Сюпризе и Эдмире, что именно моей рассаде обязан ресторанчик такой популярностью. Но от них разве добьёшься понимания? Только бесконечные «Ах, как это удивительно!» да «Ах, как это восхитительно!». Тьфу! А ведь если человек культурный, – говорю я, – он добро долго помнит! И благодарит чем может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.